

Пужаев В.В., Романовская В.Б.

ЭММАНУЭЛЬ ЛЕВИ И CRITICAL LEGAL STUDIES: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ XX ВЕКА

Аннотация: В статье впервые в российском правоведении исследуется вопрос о сходном характере социолого-психологической теории французского юриста Эммануэля Леви (1871-1944) и социально-правовых идей, провозглашенных в рамках движения за Критические правовые исследования (Critical Legal Studies). Авторами подробно рассматриваются общие особенности правопонимания Эммануэля Леви и сторонников Критических правовых исследований «первой волны» (Р.Ангера, Д.Кеннеди, М.Ташнета и др.), выявляются идейно-теоретические основы (философские, политические и правовые) их научных взглядов. Исследование осуществлено с использованием общенаучных методов познания (исторический метод, формально-логический метод, метод сравнительного анализа), а также частнонаучных методов (сравнительно-правовой подход). Основываясь на анализе содержательно-методологических базисов рассматриваемых научных программ, авторы приходят к выводу, что ещё в начале XX века, задолго до появления в англо-американском праве школы Критических правовых исследований, аналогичные по своему существу правовые идеи были высказаны юристом-социологом Эммануэлем Леви. В их числе: критика либеральной правовой традиции с левых политических позиций, идея о неразрывности права и политики в виде соответствующих практик, рассмотрение самого юридического аргумента в качестве своеобразной формы проявления политической активности, критика нейтральных принципов права и строгий антиформализм, представления о праве как о совокупности верований (идеологий) и др. **Ключевые слова:** Социологическая школа права, юридический социализм, Эммануэль Леви, критические правовые исследования, право и политика, правообразование, вера и право, правовая политика, право и идеология, правовой реализм.

Abstract: This article is the first within the Russian legal science to research the question on the similarities of the sociological and psychological theory of the French lawyer Emmanuel Lévy and the social and legal ideas proclaimed within the framework of the Critical Legal Studies movement. The authors thoroughly examine the general peculiarities of legal understanding by Emmanuel Lévy and the supporters of the critical legal studies of the “first wave” (Duncan Kennedy, Roberto Unger, and others); also the ideological and theoretical foundations (philosophical, political, and legal) of their scientific views are being determined. The authors come to the conclusion that since the beginning of the XX century, prior to the emergence within the British-American law of the school of Critical Legal Studies, the similar in its essence ideas were expressed by the lawyer and sociologist Emmanuel Lévy. These ideas include: criticism of the liberal legal tradition from the left political positions; idea on the continuity of law and politics in form of the corresponding practices; examination of the legal argument itself as a certain form of manifestation of political activity; criticism of the neutral legal principles and strict anti-formalism; as well as the perception of law as the combination of beliefs (ideologies), etc.

Keywords: Legal formation, law and politics, critical legal studies, Emmanuel Lévy, legal socialism, sociological school of law, faith and law, policy of law, law and ideology, legal realism.

История мировой политической и правовой мысли чрезвычайно богата всевозможными подходами к пониманию как самого феномена под названием «право», так и отдельных явлений и элементов рождаемой им правовой действительности. Обилие разрозненных и часто противоречащих друг другу теорий, концепций, выработанных в лоне различных научных школ, стало неизменным спутником всех теоретических дискуссий по вопросам об изначальной природе права, закрепив за известной формулой И.Канта («юристы до сих пор ищут свое определение права») статус вневременного, всегда актуального констатирующего положения.

Тот долгий и нелегкий путь к познанию истинной первопричины права, верное движение по которому, кажется, всегда сулило человечеству приобрести нечто ценное (несоизмеримое в категориях материальных ценностей), сегодня по-прежнему далек от своего «триумфального» завершения. На первый взгляд и вовсе может показаться, что сложившееся в науке знание о праве не что иное, как огромный массив разрозненных и разобщенных представлений о нем. Его возможно уподобить плохому музыкальному оркестру, где каждая скрипка в отдельности являет нам удивительную и при том весьма приятную на слух мелодию, но вот целостное и совместное звучание

всех инструментов слагается в резкую, неблагозвучную разногласицу, в которой попеременно вверх берет то или иное действующее лицо. Приведенный пример в известной степени условен, поскольку историческое своеобразие каждой эпохи в эволюции политико-правовой мысли не отменяет их отчетливое и неустранимое сходство, многообразие параллелей, которые всплывают в ходе теоретических изысканий вокруг той или иной научно-правовой проблемы и вплотную увязаны с условиями социальной среды, в которой жил и работал конкретный исследователь.

Рассмотрению одной из таких «нитей», связывающих вместе различные временные периоды развития науки о праве, и посвящена данная статья, в которой выявляется общее и особенное в теоретических установках французского юриста-социолога Эммануэля Леви и сторонников движения Критических правовых исследований (Critical Legal Studies).

Появление в истории правовой мысли движения «Критических правовых исследований» (далее – КПИ) обычно увязывается с проведением в конце 70-х гг. прошлого столетия в Висконсинском университете США обширной научной конференции, в ходе которой была поставлена цель по разработке политико-правовой программы, отличной от традиционной юридической ортодоксии (базирующейся на прочном фундаменте догматического формализма). Примечательно, что в ортодоксальном и по существу формалистском восприятию права уличались не только те авторы, которые давали для этого действительно серьезные поводы (например, сторонники лэнгделлианства), но даже правовые реалисты. В отношении последних, правда, критическая риторика КПИ преподносилась в смягченном варианте, поскольку констатировалась необходимость «доосмысления» предпринятых реалистами начинаний.

В целом, движение КПИ было чрезвычайно широким интеллектуальным течением, как по охвату своих многочисленных последователей, так и в отношении конкретных методологических подходов, используемых ими. Основоположникам и первыми наиболее заметными представителями КПИ принято считать следующих известных ученых: Дункан Кеннеди, Марк Келман, Марк Ташнет, Роберто Ангер, Мортон Хорвитц и др. Современные исследователи критических теорий дабы подчеркнуть различия в изначальных методологических позициях авторов, стоявших у истоков критической традиции в англо-американском праве, и тех, кто примкнул к ней позднее, нередко используют условное деление всех сторонников КПИ на представителей «первой волны» и представителей «второй волны». В рамках насто-

ящей статьи, нацеленной на сравнение постулатов критических правовых исследований с воззрениями Эммануэля Леви, под сторонниками КПИ мы будем понимать именно родоначальников данного научного направления. Целесообразность такого подхода подтверждает близость тех теоретических платформ, на которых располагаются научные построения как французского правоведа Э.Леви, так и «первых критицистов» из числа КПИ.

В методологическом отношении движение КПИ обнаруживает свои исходные базисы в недрах американской юридической науки 20-30-х гг., главным образом в формулах широко распространенного в то время в США правового реализма (К.Ллевеллин, Дж.Фрэнк, Г. Олифэнт, А.Мур, В.Кук, Ф.Коэн)[1]. Второе исходное начало критических правовых исследований следует искать в преобразованном и обновленном марксизме, социалистические импульсы которого перманентно проявлены в большинстве поддерживаемых «первыми критицистами» тезисов. Как пишет Д.С. Сметанников, «политический аспект связывался участниками движения КПИ с мощным движением социального протеста радикального студенчества, которое охватило США в 60-х гг. и получило название движения «новых левых». Идейнными предпосылками для «новых левых» стали труды таких крупных представителей американского и западноевропейского левого радикализма, как Г. Маркузе, Р. Миллс, Ж.-П. Сартр и др.» [2, с. 218].

Находясь под вполне определенным влиянием «реалистов», представители КПИ восприняли у них не только скептицизм по отношению к формализованным жестким правилам права (антиформализм и антипозитивизм), но и одобрительный взгляд на вопросы юридического активизма в связи с неопределенностью судебных постановлений. Одобрительно воспринималась важность реалистического расчета случайных социальных процессов и личностных факторов, которые могут повлиять на решение правовых споров, особенно на уровне эманации этических принципов.

Базовой идеей, которую проводили в этом отношении КПИ, состояла в рассмотрении права как системы, обусловленной проблемой неразрешимой противоположности (оппозиционности) принципов и идеалов. Право – это пестрая мозаика, лоскутное одеяло, составленное из непримиримо противоположных идеологий. Теоретики движения КПИ рассматривали право как форму социального сознания, смесь образов и идей, которые одновременно легитимируют существующий социальный порядок и предоставляют возможности для его изменения.

При этом КПИ противопоставляли себя традиционным марксистским и либерально-реформистским видениям права, поскольку последние мыслят право исключительно инструментально, то есть либо как средства, используемые правящей элитой для поддержания элементов своего господства (марксизм), либо для проведения социальных изменений посредством частных, редистрибутивных реформ (либеральный реформизм) [3, с. 380].

С появлением и утверждением в 60-70-х годах XX века критических юридических теорий «триумфальное шествие либерализма и консерватизма в западной юриспруденции было прервано – защитники «конституционализма», «правового государства», «естественных и неотчуждаемых прав» были вынуждены перейти в оборону» [4, с. 70]. Прежде всего последовательной критике подверглась идея так называемых нейтральных принципов права и морали. В рамках либеральной правовой доктрины нейтральными признавались такие принципы, которые без колебаний могут быть одобрены всеми разумными существами: общие принципы справедливости, разумности и честности. В XX веке серьезную поддержку они получили в работах известных англо-американских философов права: автора оригинальной концепции права как целостности – Рональда Дворкина [5, с. 20-23], и создателя теории справедливости как честности – Джона Ролза [6].

В сфере практических следствий, деятели КПИ призывали к решительным социальным изменениям посредством уверенной реализации трансформационной правовой политики. Поскольку движение КПИ во многом выросло на почве неприятия ключевых принципов либерализма, то именно в оппозиции к либерализму оно и нашло исходный импульс своей «непримиримой критичности». Ниспровержение было уготовано практически всем фундаментальным положениям либеральной правовой традиции. Квинтэссенцией стало оспаривание «лжепринципа» правового равенства и концепции господства (правления) права. Считалось, что «дух либерализма не смог, да и не мог, проникнуть в общество, а потому либеральный правовой порядок страдает недостатком легитимности. Да и вообще в условиях группового плюрализма, который оборачивается групповым эгоизмом, идея правления права не может иметь социальной поддержки» [7, с. 79], поскольку является не более чем прикрытием того, что право отстаивает одни интересы и неизбежно ущемляет другие. Сторонники КПИ в резкой и бескомпромиссной форме поставили во главу угла необходимость реформирования всей социально-правовой теории. Конечной целью подобного

совершенствования должно было выступить создание некоего «контрвидения» себя и общества [8, с. 37], а вместе с тем и представлений о праве, как значимом элементе социальной действительности.

Основной фокус внимания КПИ был направлен, как и в случае с правовым реализмом, к вопросу о выработке права в ходе деятельности суда. Юридическое обоснование, считали сторонники КПИ, является открытой, неопределенной и полной противоречий текстурой. Проповедовался отказ от различения права и политики с тем обоснованием, что все идеологические споры, которые играют значительную роль в публичной дискуссии в рамках политической культуры общества, в последующем воспроизводятся в контексте юридических аргументов судебных решений. Иными словами, правовая аргументация, используемая в ходе юридической практики, является отражением идеологических столкновений, реплицируя в свое содержание те или иные фрагменты политического дискурса. Характерная для многих либеральных авторов модель, по которой судья, действуя с формальной точки зрения, мыслит чисто правовыми категориями, в рамках КПИ была признана полностью несостоятельной. Анализ юридической практики, подтверждает, что при рассмотрении спора судья неизбежно делает политический выбор. Судьи, подчеркивали сторонники КПИ, вообще не могут быть беспристрастными, ибо не существует полностью закрытого, отвлеченного от сферы морального или политического обоснования юридического мышления.

Таковы в общих чертах положения, обеспечившие известность Критическим правовым исследованиям как оформленному политико-правовому движению последней четверти XX века. Однако насколько оригинальными и непохожими на все остальное были идеи КПИ, касающиеся вопросов понимания права и соотношения права и политики? В рамках англо-американского права перспективы поиска «мировоззренческих» аналогов идеалов КПИ кажутся весьма туманными.

С другой стороны, в западноевропейской юриспруденции начала прошлого столетия обнаруживаются схожие представления о формах взаимосвязи политической и правовой сфер, предпринятые с левых политических позиций. Речь идет о социолого-психологической теории права французского юриста, специалиста по гражданскому праву, социолога и активного участника социалистического движения Эммануэля Леви (1871-1944). В истории европейской правовой мысли имя Э.Леви остается незаслуженно забытым по сравнению с его именитыми соотечественниками Л. Дюги [9, с. 13-18], Ф. Жени [10, с. 149-151], М. Ориу и др.

Ключевое влияние на правовые воззрения Леви оказали два значительных течения общественной мысли XIX-XX вв.: социализм в изложении французского политика Жана Жореса, близкий собственным политическим устремлениям ученого-правоведа, и социологическое учение Эмиля Дюркгейма, в особенности его известные идеи о социальной солидарности и коллективных представлениях. Кроме того, элементы своей теории Леви выводил с учетом данных, предоставляемых историей, опираясь в данном случае на работы романиста Жирана [11, р. 69].

Согласно Леви, право мыслилось как явление относительное, в содержательном плане подверженное значительным трансформациям в зависимости от колебаний «маятника» коллективных убеждений и в этом отношении выступающее прямым отражением общественных потребностей. Традиционная для всей французской социологической юриспруденции XX века проблема характера правовой нормативности в теории Леви преподносится в русле идей социальной психологии, с отчетливым акцентированием внимания на роли верований (коллективных убеждений) в процессе правообразования [12]. Право существует только потому, что мы верим в его существование и потому, что другие убеждены в том, что оно у нас есть. «Наша вера в закон есть наш настоящий закон» [13, р. 69], – считал Э.Леви.

При выделении связи между правом и коллективными убеждениями, Леви сосредоточился на вопросе, который впоследствии стал центральным в рамках КПИ. Идея о том, что мы живем верованиями (убеждениями), и о том, что право должно быть понимаемо в его отношении к коллективно проводимым убеждениям или конвенциональным соглашениям является сегодня неотъемлемым атрибутом значительного круга научно-правовых теорий, разрабатываемых с совершенно разных методологических позиций, в том числе и КПИ.

Более чем за семьдесят лет до КПИ Э.Леви обождал ключевую для всей разрозненной теоретической программы Critical Legal Studies идею, что существующие юридические понятия отражают более обширные социальные течения мысли, и что в рамках процесса оспаривания традиционных юридических концептов эти более широкие потоки, правовые идеи, сами по себе могут быть обращены к новым целям, реинтерпретированы в новом, освобожденном от их первоначального понимания направлении. Осуществляя критику юридического формализма, именно Э.Леви впервые разглядел в юридическом аргументе своеобразную форму проявления политической активности. Сторонники КПИ (Р.Ангер,

Д.Кеннеди, М.Хорвитц, М.Ташнет и др.), скорее всего, не были знакомы с правовыми воззрениями Э.Леви, потому как ни одна из его работ, насколько нам известно, на тот момент не переводилась на английский язык, а также не была «в ходу» на языке оригинала. Тем не менее, вслед за Леви, первая волна представителей КПИ провозгласила основным принципом своей научной программы неразрывность права и политики в форме соответствующих деятельностных практик [12], а само юридическое мышление объявило репрессивной формой мысли, ограничивающей понимание социальной реальности и скрытых в ней возможностей [4, с. 71].

Уже с момента защиты своей диссертации, Леви нисколько не сомневался, что субъективные права индивидов, к примеру, право собственности, существовали только через обоснованное убеждение собственников в надежности их владельческого титула [14]. Это убеждение становится обоснованным только посредством общеколлективной уверенности относительно того, что наличествующие акты и конкретные жизненные обстоятельства являются соответствующими и достаточными для наделения собственника титулом владения. Впрочем, в этой части своего учения Леви был вовсе не оригинален, поскольку о том, что юридические права и их содержание в значительной мере зависят от степени коллективной веры в них, писал еще Фердинанд Лассаль. Заслугой Леви следует признать модификацию такого подхода идеей о том, что все эти права (или их ценность) могли быть совершенно уничтожены в случае «отзыва» веры в них [15, р. 137].

Примечательно, но правовому учению Э.Леви свойственны те же самые недостатки, что и многим представителям КПИ. Несмотря на все пролетарские симпатии, политическую активность и презрительное отношение ученого к школе правового формализма, правовая мысль Леви (также как и взгляды большинства деятелей КПИ), во многом укоренена на правилах традиционной юридической школы. К примеру, проведенный Леви анализ преобразований имущественных прав и обязательствных прав осуществлен в классических специально-юридических терминах. Недостает воззрениям Леви и опоры на детальные социальные исследования, несмотря на его симпатии к социологии. В этом отношении Леви фактически заимствует без какой-либо существенной рефлексии элементы социалистической традиции и социологического учения Дюркгейма, связанные с предположениями о грядущих социальных переменах.

Американские авторы КПИ, как утверждает Роджер Коттеррелл, зачастую действовали аналогичным путем, попросту ссылаясь на работы видных

теоретиков (А.Грамши, М.Фуко, представителей Франкфуртской школы – Т.Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе) без самостоятельного проведения строгого социального анализа [15, р. 138]. Впрочем, ни Леви, ни сторонники КПИ особо и не настаивали, что политика права должна быть полностью основана на подробных эмпирических социальных исследованиях в сфере источников права, способах и конкретных практиках, с помощью которых она создавалась, интерпретировалась и претворялась в жизнь.

Представленная нами схожесть некоторых аспектов правовой теории КПИ и учения Э.Леви не должна заслонять собой и их существенные расхождения, которые при глубоком анализе приобретают весьма отчетливый, показательный характер. Так, теория Леви отличается от установок КПИ признанием идеи детерминизма, причем в её абсолютизированном виде. В этом пункте концепции Леви многие исследователи разглядели упущение её автора, поскольку он ошибочно мыслил движение исторического процесса фактически предопределенным, приближаясь таким образом к оформленному фатализму. Ему казалось, что ход истории в конечном итоге обеспечит ситуацию, при которой право будет имманентно отражать условия солидарности, при которой оно будет двигаться от бессодержательности эгоистического права капитала к праву содержательному, учитывающему интересы и чаяния рабочего класса. В свою очередь, сторонники КПИ в целом отвергают любой вид социальной детерминации, любые идеи неизбежного движения истории в определенном обусловленном направлении. Следовательно, имеющиеся в каждый временной промежуток условия общественной жизни и курс исторического развития, не являются заранее предопределенными каким-либо направлением социальной эволюции.

Завершая представленный сравнительный анализ, отметим еще одно, как нам кажется, существенное обстоятельство. Оно заключается в том, что рассма-

триваемые научно-правовые программы явили собой своеобразную форму «непродолжительной моды» (в отношении КПИ иногда можно услышать фразу «passing fashion») в юридической науке, поскольку каждая из них, стремительно взобравшись на вершину академического признания и став одной из авангардных тем научной полемики своего времени (20-30-е гг. и 70-90-е гг. XX века), так же быстро была «забыта», ибо не всегда была «понята и услышана».

В последнее время творческое наследие Эммануэля Леви и научно-правовые разработки КПИ вновь становятся объектом пристального внимания со стороны представителей юридического сообщества, стремящихся к прояснению истинной природы и значения предлагаемых Леви и КПИ тезисов. К примеру, признанный специалист по социологии права Роджер Коттеррелл ещё в 2004 году отметил: «хотя исследования Э.Леви, выдержанные в простых классовых терминах, могут показаться архаичными, на самом деле его точка зрения относительно социальных источников стабильности юридических идей и его защита юридической практики, базируемой на таких источниках, наносит удар, способный вызвать современный резонанс». Соответствуя современным тенденциям в сфере научно-правовых разработок, «его работы в данном отношении наделены даром предвидения» [15, р. 138]. Ему вторят современные французские исследователи Фредерик Одрен и Бруно Карсенти, которые в одной из статей, посвященных Э.Леви, написали: «Активный социалист, социолог и преподаватель права: союз чересчур редкий, чтобы не привлечь к себе внимания» [16, р. 76]. Применительно к движению КПИ наблюдается возврат исследовательского интереса к изначальным точкам их социально-правовой доктрины, подмечаются положительные и отрицательные стороны, высказываются предложения об учете имеющегося научного опыта в целях осмысления современных процессов эволюции государственно-правовых явлений.

Библиография:

1. Ташнет М. О некоторых современных разногласиях в критических правовых исследованиях. [Электронный ресурс]. Адрес для доступа: http://kritikaprava.org/library/83/o_nekotoryih_sovremennyih_raznoglasiyah_v_kriticheskikh_pravovyih_issledovaniyah (дата обращения: 10.11.2015г.).
2. Сметанников Д.С. Критические правовые исследования в США // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. №3 (226). С. 215-221.
3. Gabel P. Critical Legal Studies et la pratique juridique: la conception de la culture juridique et de la pratique du droit comme interventions culturelles // Droit et Société. 1997. №36-37. P. 379-400.
4. Соломко З.В. Критические подходы к пониманию права: теоретические и идеологические контуры (реферативный обзор очерка А.Томсона) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. Т.1. №6 (121). С. 70-75.
5. Пужаев В.В. Правовая концепция Рональда Дворкина // Современное право. 2015. №1. С. 20-23.
6. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. 510 с.

7. Козлихин И.Ю. Избранные труды. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. 585 с.
8. Тревиньо А.Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. №5 (310). С. 26-47.
9. Пужаев В.В. Вопросы правообразования в социолого-правовой концепции Леона Дюги // Современное право. 2015. №10. С. 13-18.
10. Пужаев В.В. Особенности реконструкции теории источников права в рамках «свободного научного поиска» Франсуа Жени // Евразийский юридический журнал. 2015. №6. С. 149-151.
11. Herrera C.-M. Socialisme juridique et droit naturel: à propos d'Emmanuel Lévy // Droit et gauche: pour une identification. Québec: Presses de l'Université Laval, 2003. 199 p.
12. Пужаев В.В. Юридический идеализм Эммануэля Леви: проблема социолого-психологического понимания права и его оснований // Евразийский юридический журнал. 2015. №10.
13. Lévy E. La vision socialiste du droit. Paris: Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926. 180 p.
14. Lévy E. Preuve par titre du droit de propriété immobilière: Thèse pour le doctorat. Paris: Éd. A.Pedon, 1896. 171 p.
15. Cotterrell R. Emmanuel Lévy and legal studies: A view from abroad // Droit et société. 2004/1. №56-57. P. 131-141.
16. Audren F., Karsenti B. Présentation – Emmanuel Lévy (1871-1944): juriste, socialiste et sociologue // Droit et société. 2004/1. №56-57. P. 75-77.

References (transliterated):

1. Tashnet M. O nekotorykh sovremennykh raznoglasiyakh v kriticheskikh pravovykh issledovaniyakh. [Elektronnyi resurs]. Adres dlya dostupa: http://kritikaprava.org/library/83/o_nekotoryih_sovremennyih_raznoglasiyah_v_kriticheskikh_ppravovykh_issledovaniyah (data obrashcheniya: 10.11.2015g.).
2. Smetannikov D.S. Kriticheskie pravovye issledovaniya v SShA // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 1999. №3 (226). S. 215-221.
3. Gabel P. Critical Legal Studies et la pratique juridique: la conception de la culture juridique et de la pratique du droit comme interventions culturelles // Droit et Société. 1997. №36-37. P. 379-400.
4. Solomko Z.V. Kriticheskie podkhody k ponimaniyu prava: teoreticheskie i ideologicheskie kontury (referativnyi obzor ocherka A.Tomsona) // Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta. 2013. T.1. №6 (121). S. 70-75.
5. Puzhaev V.V. Pravovaya kontseptsiya Ronal'da Dvorkina // Sovremennoe pravo. 2015. №1. S. 20-23.
6. Rolz Dzh. Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1995. 510 s.
7. Kozlikhin I.Yu. Izbrannye trudy. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2012. 585 s.
8. Trevin'o A.Kh. Aktual'nost' klassikov dlya sovremennoi sotsiologii prava: amerikanskii kontekst // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie. 2013. №5 (310). S. 26-47.
9. Puzhaev V.V. Voprosy pravoobrazovaniya v sotsiologo-pravovoi kontseptsii Leona Dyugi // Sovremennoe pravo. 2015. №10. S. 13-18.
10. Puzhaev V.V. Osobennosti rekonstruktsii teorii istochnikov prava v ramkakh «svobodnogo nauchnogo poiska» Fransua Zheni // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №6. S. 149-151.
11. Herrera C.-M. Socialisme juridique et droit naturel: à propos d'Emmanuel Lévy // Droit et gauche: pour une identification. Québec: Presses de l'Université Laval, 2003. 199 p.
12. Puzhaev V.V. Yuridicheskii idealizm Emmanuelya Levi: problema sotsiologo-psikhologicheskogo ponimaniya prava i ego osnovanii // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. 2015. №10.
13. Lévy E. La vision socialiste du droit. Paris: Marcel Giard Libraire-Éditeur, 1926. 180 p.
14. Lévy E. Preuve par titre du droit de propriété immobilière: Thèse pour le doctorat. Paris: Éd. A.Pedon, 1896. 171 p.
15. Cotterrell R. Emmanuel Lévy and legal studies: A view from abroad // Droit et société. 2004/1. №56-57. P. 131-141.
16. Audren F., Karsenti B. Présentation – Emmanuel Lévy (1871-1944): juriste, socialiste et sociologue // Droit et société. 2004/1. №56-57. P. 75-77.